

«Новый журнал для всех» - Санкт-Петербург, 1913 г. – май - № 5. – С. 46-58

Б. Орис [Борис Марков¹].

Рассказ «Тубу»

– Тубу, шукай штаны! – крикнул своим зычным голосом Станислав Францевич.

Эта история повторялась каждое утро. У моего сожителя, Станислава Францевича, были странные штаны: они состояли из двух отдельных штанин, которые он, надевая, застёгивал пуговками и укреплял на животе поясом. Он находил, что такие штаны удобнее и не расставался с ними, хотя они и были все в заплатках – больших и малых.

Раздеваясь на ночь, он их разбрасывал иногда в разные стороны. А по утрам, когда не хочется вылезать из-под одеяла из-за холода, он кричал собаке, спавшей с ним для тепла:

– Тубу, шукай штаны!

Обыкновенно я просыпался раньше Станислава Францевича и нарочно иногда прятал его штанины подальше и в разных местах. Тогда собака металась по комнате, подбодряемая криками хозяина:

– Шукай! Шукай, подлец!

И «подлец» находил их, вытаскивая из-под моей кровати, из-под печки или доставая с полки, если мог добраться до них. Если же не мог, – как, например, до полки у правой стены, где у нас не было скамьи, Тубу становился на задние лапы и передними скрёб стену, не сводя глаз с штанин.

– Ну, какого чёрта вы их туда швырнули! – обрушивался на меня обозлённый сосед. – Изволь теперь подниматься... А в хате, кажется, холодно? А?

– Холодно, – отвечал я.

¹ *Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей: В 4-х т. - М., 1956 - 1960.* В разделе "Имена" там значится "Марков Борис П., саратовский журналист". Псевдонимы этого Маркова, которые указывает Масанов, следующие: *Б.П.М.; Бэ Ме; Бэ Эм; Орик, Б.* Все псевдонимы, кроме "Орик, Б.", если проверить каждый по разделу "Псевдонимы", выводят на автора саратовского журнала "Карандаш", 1906 г., т.е. Б.П. Маркова, моего прадеда. С "*Орик, Б.*" - отдельная история: этот псевдоним Бориса Маркова, как указано у Масанова, использовался им в № 5 за 1913 г. питерского журнала "Новый журнал для всех". Под этим псевдонимом Марков опубликовал там рассказ "Тубу". Однако у Масанова здесь опечатка! Я добралась до акмеистского (издатель и редактор этого номера поэт В. Нарбут) "Нового журнала для всех" (1913, № 5) в его бумажном воплощении и обнаружила, что автором "Тубу" там в трёх местах назван не "Б. Орик", как напечатано у Масанова (в Интернет-варианте, по крайней мере), а "*Б. Орис*" ("Б. Орис" – просто "Борис")!

Итак, псевдонимами Бориса П. Маркова, печатавшегося в "Карандаше" и в "Новом журнале для всех" (т.е. точно моего прадеда Бориса Петровича - при сопоставлении с "семейным приданием"), являются: *Б.П.М.; Бэ Ме/Бэ Мэ; Бэ Эм; Б. Орис.*

– Ах, какого же чёрта! – произносил он, высовывая здоровенные волосатые ноги из-под одеяла. – Тубу, скажи ему, что он негодяй!

Тубу, кажется, понимал и на приказ хозяина выругать меня принимался сердито ворчать.

Удивительная была собака! Станислав Францевич взял её лет семь тому назад, совсем малым щенком; выкормил её в прекрасную охотничью и «учёную» собаку. Они никогда не расставались, а осенью и зимой даже спали вместе. А когда я пришёл в ссылку, то застал их уже неразлучными друзьями.

Тубу нашёл штанины Станислава Францевича на скамье у окна и в зубах принёс их хозяину.

– Молодец, Тубу, – похвалил он. – Теперь можно и подняться... Казак, спите?

«Казак» называл он меня, выходца из Кубанской области.

– Нет, не сплю. Лень подняться.

– Ничего! Нужно дров наколоть, воды принести, чай пить. Вставайте! В комнате, как в поле, – холодно!..

Я поднялся, хотя очень не хотелось. Впереди предстоял день, однообразный, скучный, – скучный, как эта снежная степь за окном. Лежать бы под одеялом – и спать, спать, спать до возможности бежать из этого проклятого края.

Утро было морозное, ясное. В нашем улусе, где стояло всего пятнадцать хат, было тихо, мертво. Очевидно, ещё спали, хотя из всех труб валил дым: топились железные печи.

Мы напилили дров. Пила с радостным звоном впивалась зубами в толстую лесину и выбрасывала в обе стороны мелкую серую пыль. Работали мы живо и весело и в каких-нибудь полчаса наготовили дров на целый день, для большой русской печки и для «голланки».

Затопили печи, сходили с большим ушатом по воду к реке и, наконец, поставили чайник и чугунок с картофелем в печь.

Станислав Францевич возился у печки, я приводил в порядок наше бедное жилище.

После чая и кормёжки собаки оставалось бесконечное свободное время. Его нельзя было наполнить ни чтением, ни прогулками, ни какими-либо другими занятиями. Книг у нас почти не было. Прогулки мы делали ежедневно, – обязательно, как и гимнастику. И ничто не могло нас спасти от ленивой гнетущей тоски, медленно, но верно приближавшейся с каждой минутой. К вечеру эта тоска принимала ужасный, яркий образ и придавливала нас к земле.

Всё существо начинало томиться жаждой жизни, любви, света, людей и движения. А вокруг расстилались тихие серые сумерки, а затем тёмные покровы ночи, с таким волшебным северным небом, с такими яркими золотыми звёздами!..

Лаяли собаки, скрипели запираемые ворота... Заржёт конь, – и снова мёртвая тишина и давящая тоска швыряли нас по хате из угла в угол, со сложенными на спине руками, с поникшими головами, с потухшими глазами.

Обыкновенно в такие минуты Станислав Францевич брал с полки свою скрипку, начинал тихо играть.

Но сегодня он не притрагивался к ней. Он улёгся на кровати и долго молчал.

Голос его зазвучал вдруг и как будто издали:

– Казак, – пропадаем мы тут.

– Бежать нужно, – сказал я.

– Вам. Мне не к чему уж...

Мы мало говорили о побеге и всё как-то неопределённо. Но я мечтал об этом часто и полагал, что и товарищ мой часто думает о том же. Слова его, произнесённые таким грустным, безнадежным тоном, остановили меня посреди комнаты.

– Я уже никуда не побегу, – продолжал он, – здесь останусь. Прожил с десяток лет – и хочу помереть здесь. А вы – вы ещё молоды... Бегите скорее, спасайтесь!

– Ну, а вам почему нравится помирать здесь, а не на родине?

– Потому что... потому что...

Он не кончил своей фразы, поднялся и сел на кровать, упираясь обеими руками в края её.

– Я всё уже схоронил, – и там, и тут.

Не то слёзы, не то жалоба вспыхнула в этих словах. Лица его я не видел. Но мне почудилось, что я вижу его тёмные глаза, – всегда такие печальные, умные такие.

Сложилась наша совместная жизнь так, что мы лично друг о друге ничего не знали. Говорили обо всём, но не о самих себе. Поэтому я и теперь никак не мог ожидать, чтобы сосед мой заговорил о себе.

– Когда-то мне казалось, что я схожу с ума здесь, – заговорил он после перерыва. – Побежал, без копейки, без одёжи – с одной палкой в руках... Это был не побег из ссылки, а бегство от себя, от мира... Я не могу вам сказать, от чего и от кого я бежал, но иначе я не мог. И случилось так, что до Иркутска я благополучно дошёл и даже денег раздобыл по дороге у товарищей. Надавали адресов... Нужно было остаться в Иркутске, потому что... Эх, казак, – я вам сейчас расскажу...

Он в волнении поднялся совсем с кровати, прошёлся до стола и обратно. Я слышал, как он набивал трубку махоркой, потом осветил спичкой профиль своего тонкого лица и угол хаты. Я подбросил дров в железную печь, раздул огонь и растянулся на полу перед ним, рядом с дремлющей Тубой. Мне вдруг стало совершенно безразлично, что и о чём будет говорить Станислав Францевич. Я догадывался, что он сейчас будет рассказывать о себе, что душа его ищет отклика, сочувствия.

Но во мне всё вдруг замолчало, застыло. Мне стало стыдно и больно.

– Не рассказывайте мне ничего! – почти крикнул я.

– Нет, я хочу вам рассказать... Не могу, казак, не рассказать, не могу! Такое у меня настроение, такая потребность. Не уничтожайте во мне этих минут, не остуживайте меня.

Он говорил, точно просил, усилено затягиваясь дымом почти после каждого слова. Я приготовился молчать и, пожалуй, не слушать. Было жалко и обидно, что он будет говорить четырём стенам, думая, что я ему сочувствую...

«Ну, всё равно», – решил я.

А Станислав Францевич сидел на кровати и продолжал задушевым тоном:

– Повертелся, повертелся я в Иркутске, и потянуло меня назад, в деревню. Не в Польшу, не на родину, а именно в свой улус, где нет людей, нет жизни, – ничего, кроме неба, земли и меня. Я тосковал по этой тишине, по одиночеству и свободе. Так мне казалось. В действительности было совсем не это, и не в улус меня тянуло. Нужно было бежать от воспоминаний, от этих душевных ран и мук...

И я не мог бежать в Россию, к себе, в Польшу, потому что там – слушайте! – там я оставил безвозвратно, навеки всё, чем я жил и дышал... Оставил и потерял. И богатство, и родину, и любовь. Я всё это имел. Богатство, которое давало мне возможность жить, как я хотел, и давать средства на революцию, – это богатство я потерял в первую очередь: меня осудили, имение конфисковали. Я стал нищ. Первое время я всего не понимал и не чувствовал. Сказалось потом. – Но и тогда тяжело было совсем не это... Тяжелее было

другое... Друзья и товарищи – кто погиб, кто изменил, а остальные ушли в ссылку и на каторгу... А родина, – что делала моя родина, когда нас вырвали из её сердца, надругались над нею?.. Я остыл к ней. Но и это не всё. У меня, казак, была невеста...

Он замаялся. А я притаился, невольно заинтересовавшись его рассказом. Приготовился слушать дальше и закрыл глаза.

Вдруг я услышал щёлканье отпираемого футляра и ещё через минуту – знакомую мне манеру соседа настраивать скрипку. Он легко касался струн кончиком смычка и тихо и легко трогал их.

Игру его я любил. Десять лет ежедневных упражнений в ссылке сделали из него поразительного техника. А суровая мужественная натура, интеллигентность и душевная простота этой личности без сомнения принадлежали артисту. Нот у него было немного: кто-то присылал ему из Иркутска. Но он часто играл свои композиции – всегда грустные, всегда печальные.

Я был доволен, что Станислав Францевич принимается, наконец, играть, а не продолжает рассказ, – догадываясь, что в сегодняшнем настроении он должен немного помучить мою душу своей игрой. И я не ошибся. Уже первые звуки «Легенды» Венявского, взятые им так мягко и чисто, точно живые пальцы ударили по мне. Сердце сжалось острой тоской и неудовлетворённостью. К горлу подступали рыдания, – я готов был плакать, но сдерживал себя, когда он плакал смычком.

Но когда он заиграл вторую часть, Тубу вдруг поднялся и завыл. Мы забыли выпустить собаку, что делали всегда, когда он играл. Она не выносила скрипки и выла постоянно.

– Выгоните её к чёрту! – не своим голосом заорал Станислав Францевич. Собака испугалась его крика и побежала к двери. Я быстро последовал за ней и выпустил её во двор.

Когда я вернулся в хату, Станислав Францевич уже лежал опять и затягивался махоркой. В темноте я видел только вспыхивающий огонёк в трубке.

– Играйте, что ли? – произнёс я.

– Нет, – испортил мне Тубу, не могу. Тоска какая-то особенная сегодня, и всё хочется говорить о себе... Вероятно, конец скоро.

– Какой конец? – не понял я.

– Всему... Мне. Надоело. Лишний я человек и, хоть никому теперь не мешаю, однако, без толку живу. Я бывший человек, мне уже не возродиться. И знаете, – заговорил он оживлённее, – я об этом думаю уже давно.

– Что же вас удерживает? Есть же, значит, что-то?

– Есть, – уже упавшим голосом ответил он. – Иногда мне самому смешно в этом сознаться. Но это верно.

Я его сегодня совсем не понимал. Точно со мною жил всё время другой Станислав Францевич, а этого я сегодня только увидел. Тот был простой, умный и суровый мужчина, лет сорока, с чёрными глазами и такими же лохматыми волосами на голове и на подбородке. Был он высок, силен и крепок. А этот, сегодняшний, которого во тьме я почти не видел, казался мне слабым, безвольным, исстрадавшимся человеком.

– Родных у меня уже нет давно, а невеста умерла ещё в первый год моей ссылки... Её смерть решила всё. С тех пор я бывший человек. Точно с нею в тот мир ушла вся моя вера в жизнь, в творчество, в людей. Я всё потерял, – даже способность мыслить нормально. Ничто меня не интересует, ничто не влечёт. Мне совершенно безразлично всё... Не бежал я в Россию, потому что там я ничего не имел. Из Иркутска пришёл сюда обратно и нашёл вот эту собаку, – единственное существо, к которому я как-то бессознательно привязался с первого же дня...

– Так это, значит, Тубу! – невольно вскрикнул я.

– Да, Тубу.

– Значит, вы ещё способны любить, значит, и жить способны.

– Ну, ну, – перебил он меня, – это абсурд. Ни на что я больше не способен. Но Тубу приковал меня к жизни... Вот я вам расскажу ещё одну историю, и вам понятно станет... Вы его впустите, однако. Мёрзнет ведь он на дворе, – а я играть теперь не буду.

Я исполнил его просьбу. Собака вбежала в комнату и бросилась, по обыкновению, к хозяину. Тот поднял её на задние лапы и, поглаживая по голове, проговорил:

– Рассказываю о тебе и о моей любви к тебе, Тубу. – Вам странно? – обратился он ко мне. – Ну, так послушайте.

И, точно собираясь рассказать чужую историю, он стал готовиться к ней. Набил трубку, медленно закурил её и, только потянув несколько раз, неторопливо начал:

– Три года тому назад, ещё до вас, со мною жил один молодой парень, ссыльный. Он бежал незадолго до вашего прихода. Куда? – не знаю, и с тех пор я о нём ничего не слышал. Жили мы, вот как с вами. Бродили, тосковали, пилили дрова, ели, спали, я играл... Одно и то же, одно и то же... Уходили мы с ним частенько на охоту в тайгу. Уходили иногда на несколько дней и благополучно возвращались домой с добычей. Собаку Тубу вы знаете – чудная для всякой охоты: ни медведя не боится, ни птицы не пропустит. С ней да с ружьём можно смело углубиться в тайгу. Тем более, что нас, охотников, было двое и оба мы хорошо стреляли.

Так вот, однажды в хороший весенний день мы рано утром собрались в тайгу. Взяли по сумке хлеба и сухарей, котелок, ложки, муки для собаки. Мужики мы оба здоровенные были, – нагрузились и вооружились: я дробовиком, парень тот – своей берданкой, захватили топоры и пошли. Тубу счастлив: любил он ещё тогда побегать по следу, полаять на белку, на птицу и вынюхать медвежий след.

Выступили мы весёлые, бодрые. Не столько нам охота нужна была, сколько эта двухдневная прогулка по тайге. Сами знаете прелесть тайги, молитвенную тишину её и загадочность. Иногда и стрелять не хочется вовсе и стыдно даже это делать перед лицом спокойной и величавой природы. А эти горы в тайге! А горные речки и ручьи с такой прозрачной, холодной и вкусной водой!

Тайга нам была знакома, или казалась такою, потому что мы никогда не терялись в ней. Ну, идём мы, значит, уверенно и бодро.

Первый день прошёл великолепно. Углубились мы, может, вёрст на десять всего: так много было всякой птицы по дороге. Ночью у Железного ручья – знаете? – разложили большой костёр, сварили суп из куропаток, напились чаю и долго сидели, безмолвно куря свои трубки. Собственно, молчал я. Парень же говорил, – но слова его были тихие, как мечты. Он тосковал по воле и по женской любви. Где-то, по дороге сюда, он встретился с девушкой, тоже шедшей в ссылку, полюбил или влюбился – и тосковал по ней. А ночь в тайге непременно должна будить в живом человеке страсть, любовь, жажду свободной, красивой и шумной жизни... И я мечтал, мечтал о прошлом, – бурном, ярком прошлом своём... ну, да ладно. Словом, спутник мой говорит и мечтает, а я молчу и мечтаю. Набегавшись за день, Тубо тут же, после хорошего ужина дремлет у ног моих. От костра поднимается столб синего дыма, в котором зыблются скачущие искры.

И так хорошо, что не хочется уходить в зимовье, хотя усталость начинает давать себя чувствовать.

Растянулся у костра и незаметно для себя уснул. Проснулся от холода, продрогший и стуча зубами от стужи. Живо смастерил костёр, повесил котелок с водой для чая и прильнул к огню.

Было ещё совсем рано. Солнце, вероятно, только вставало. Но из-за лесу его не видно было.

А парень спал в зимовье, откуда выходил тонкой струёй дым. К чаю я его разбудил. Плотно поели, выпили немного водки – и марш. Птицы стало попадаться меньше: видно, далеко зашли. Потом, с полудня, решили повернуть обратно, чтобы поспеть опять к прежней ночёвке, а оттуда уже с богатой добычей, сегодняшней и вчерашней, отправиться поутру домой.

Шли мы очень долго, первое время спешили, не обращая внимания на дорогу.

– А ведь мы не ладно идём, – заметил парень.

Я остановился, оглянулся. Что за чёрт! – и верно: незнакомое место.

– Смотри на солнце, – где?

Небо в тучах, солнца не видать, компаса нет. Вокруг тайга, ни одной тропинки.

– Ну, паря, нужно подумать, а то сбиться немудрено, – сказал тот. Стали мы соображать так и этак – никакого толку. Попробовали вернуться к тому месту, где остановились в полдень, – не нашли.

«В поле бес нас водит, видно, да кружит по сторонам», – продекламировал я. Мы ещё не теряли бодрости. Нас даже забавляло это обстоятельство, и мы были убеждены, что скоро выйдём на дорогу.

Но время уходило, приближался и вечер, а мы всё ещё не знали, где мы и куда нам следует направиться.

Решили, когда начало темнеть, выбрать место пошире и заночевать.

Так и сделали...

А на третий день мы уже так запутались в тайге, что потеряли бодрость. Хлеб подходил к концу, – с собой забрали едва на [на одну, а закуску] весь запас остался в зимовье у Железного ручья. Положенье стало серьёзным и печальным. Парень затосковал. Вечером мы съели втроём весь хлеб – его немного и было с нами – и легли спать совсем печальные.

Настал четвёртый день. Нам казалось, что мы должны идти в сторону, противоположную той, откуда пришли вчера, так как солнце было на другой стороне –

позади нас. Так и пошли, – и вскоре очутились у неизвестного нам хребта. Часа два взбирались мы наверх, и когда поднялись, то ужаснулись. Кругом тянулся непрерывный горный кряж, из-за которого абсолютно ничего не видно было. А мы надеялись с высоты распознать место или увидеть реку.

– Ну, как же теперь быть? – спросил парень. Он чуть не плакал от досады и голода. Да и я чувствовал не лучше. Но был я сильнее и здоровее его.

– А чёрт его знает, как быть! Нужно выбираться...

Сказал я это, а сам подумал, что дело наше скверно: пропали мы в тайге. Без хлеба, без дороги свалишься в тайге через день-два. Только случай мог бы нас спасти, но логика и положение вещей оставляли мало надежды на такое спасение.

Я взглянул на Тубу. Он был утомлён и лежал на вытянутых передних лапах. Понимал ли он что-нибудь, соображал ли? Предчувствовал? Он, казалось мне, грустными, умными глазами взглянул на меня, завилял хвостом. Я уже тогда был к нему необычайно крепко привязан.

А тут у меня сердце сжалось от любви и боли. Я бросился к собаке и расцеловал её морду. Парень видел это и понял.

– Всё, значит? – прошептал он. Он побледнел; глаза его широко раскрылись, точно силились вместить ползущий в них огромный ужас и страх.

– Нет, ещё не всё, – старался я поддержать его. Голос меня не выдал: я сказал твёрдо и весело.

– Тогда идёмте... Идёмте – вот видите? – сюда. С того хребта мы, наверное, увидим, где мы?

Я знал, что мы ничего не увидим, и что всё равно, куда ни идти, раз спасенье наше – дело случая. И я пошёл за ним на соседний хребет. Долго переваливали через первый подъём и очутились в мягкой травянистой долине. Было тут так тихо, что не возникало даже сомненья, что мы далеко в тайге.

Три стороны её тянутся на тысячи вёрст, одна – наше спасенье. Но какая она? Где она? Как идти? Если бы река попалась нам, мы пошли бы по течению, – и это могло бы нас спасти, если путь не долог.

– Прислушайтесь, – сказал я, – не течёт ли здесь поблизости речка?

Мы оба слушали, то припадая ушами к земле, то вытягивая напряжённо головы. Ничего не слышно.

– Идём наверх, – настаивал он.

Только к вечеру достигли мы намеченной вершины. И разочаровались.

Мы были утомлены, были голодны... мы были беспомощны.

О себе я мало думал, себя мне не было жалко. Особых влечений в жизни у меня не было, и смерти я вовсе не боялся.

А тут даже представляется естественный конец, – тем лучше.

Но как мне жалко было Тубу и парня! Как больно было за них! Особенно, признаюсь, мучил меня Тубу. Не то, что он умрёт, как и мы, а то, что он мучается, страдает, – это мне было тяжело. Собака разбила лапы и прихрамывала уже. Она была голодна и утомлена. Ещё день – и она уже не сможет двигаться.

Да... на пятый день я нёс её то на плечах, то на руках. Когда я уже падал от усталости, на руки брал её парень. Собака глядела на меня такими глазами, такими глазами...

Пятую ночь я провёл в страшной борьбе с самим собою и, когда принял окончательное решение, мне хотелось плакать...

Мы тащились очень медленно, избегая гор и всего того, что могло нас утомить. Да и Тубу мешал движению. Его то и дело приходилось брать на руки, так как он почти не мог стоять на лапах: искалечил он их и изранил в беготне по лесу.

Но моё решение было твёрдо и окончательно. Незачем мучиться и мучить собаку. Нужно положить конец.

Парень совсем обессилен. Собака ему уже была тяжела; он еле нёс своё ружьё. Мы часто и подолгу останавливались для отдыха, говорили мало, односложными словами. И так безразлично нам всё стало, что, наткнись мы в тот момент на дичь, мы, голодные, обессиленные, не стали бы в неё стрелять. Так, вероятно, чувствует себя умирающий.

В таком состоянии проснулись мы на седьмой день.

– Не могу уже ходить, Станислав Францевич, – заявил парень.

– Ну, попытайтесь ещё немножко... только сегодня... Возьмите меня за руку, упирайтесь в ружьё, как в палку.

Он уже не был похож на прежнего парня. Был бледен, измождён, глаза стали большие, тёмные, горящие. Всё жаловался на головную боль. Тубу – тоже не узнать. «Сейчас мы покончим», – подумал я.

– Фёдор, – остановился я, прислонясь к дереву, – у вас есть ещё силы сделать один выстрел?

Он тоже остановился у дерева напротив и безумными глазами, явно не понимающими, уставился на меня.

– Можете? – переспросил я.

– Да, – процедил он сквозь зубы.

Я снял с себя пояс, накинул его на Тубу и для чего-то хотел привязать собаку к дереву. Я уже почти не соображал, что делаю. Но в тот момент, когда я коснулся шеи собаки, я почувствовал, что теряю сознание. Я быстро отскочил от Тубу, стараясь не смотреть на него.

– Я уйду, Фёдор. Вы подождите с полчаса и тогда... Потом пойдёте за мною... на мои выстрелы...

И, не дожидаясь ответа, не озираясь, я почти побежал. Мне почудилось, что Тубу поднялся на ноги и хочет броситься за мною. Ужас охватил меня...

Я напряг всю силу воли, чтобы не кинуться назад...

Да, я решил. Сам я не мог бы убить Тубу. Два дня собирался я, мучился, – не мог... Но это нужно было сделать. Когда я услышу его выстрел и буду знать, что Тубу больше нет, я пушу себе пулю в сердце. Фёдору я не нужен больше: мы всё равно обречены на смерть. Он умрёт – ещё день-два...

По моему расчёту, я отошёл очень далеко. Старался не слышать выстрела оттуда. Я упал почти без сил и без чувств у разбитой грозой сосны – и долго-долго лежал, терзаемый мученьями... совести, что ли? Я был так слаб, что насилу мог зарядить свой

дробовик пулею и совсем ничего не слышал вокруг себя. Наконец, зарядил и опять долго, как казалось мне, лежал с закрытыми глазами. Слезы падали из глаз, – это я чувствовал. И они, горячие, расплывались по моим щекам и жгли...

«Теперь, – подумал я, – возьму сейчас ружьё – и кончено».

Стал прилаживать дробовик так, чтобы дуло было как раз у сердца. К собачке привязал верёвку: дёрну – и капут.

Всё готово. Сел на лесину, налёг сердцем на дуло...

Шорох... поднимаю голову... крик радости, крик восторга вырвался из моей груди. Фёдор стоял передо мною с собакою на руках.

Улыбка блуждала на измученном лице парня. Я увидел живые, любящие глаза собаки, устремлённые на меня. Она рвалась из рук Фёдора ко мне. Я бросился к ним и вырвал Тубу из его рук.

Я точно переродился. Ко мне вернулись силы и молодость. Какой-то огонь зажёгся в моей груди.

– Фёдор! Тубу! – крикнул я. – Крепитесь ещё день. Не может быть, чтобы мы погибли в тайге!

И мы, действительно, оживились, ободрились. Фёдор слабым голосом рассказывал мне, что, оставшись наедине с собакой, он вдруг почувствовал весь ужас данного ему поручения. Он взглянул на неподвижного Тубу и увидел в его глазах такую мольбу, такой сознательный страх, упрёк и муку, что воля его покинула. Он поднял её на руки и пошёл за мною, часто останавливаясь для отдыха.

Нашёл он меня совершенно случайно и всю дорогу мучился тем, что мы разошлись и совсем затерялись.

Мы были взволнованы. До утра мы пролежали на одном месте. А рано утром опять пошли.

Опять Тубу переходил с рук на руки. Мы ему перевязали лапы, и немного он мог и сам ходить.

И вечером, когда мы уже отчаялись и мысленно решили, что нет спасенья, Фёдор, шедший немного правее меня, огласил тайгу диким криком радости:

– Вода!

Это была речка; это было наше спасение, если она течёт не далеко.

В противном случае мы не дошли бы всё равно.

Я благоразумно сделал, что не бросил котелка и сумочки с чаем и ложками. Мы сейчас же вскипятили чай. Фёдор повеселел, Тубу ползал у наших ног, требуя пищи. Он с таким удовольствием пил сваренный ему чай.

И – странно! В течение полудня мы вышли на знакомое нам место, очень близко от Железного ручья. Мы, значит, были совсем недалеко от своих мест и, однако, могли погибнуть...

Станислав Францевич умолк. Я всё ещё лежал на полу и думал о слышанном.

Потом он вывел собаку на двор и, хоть была поздняя ночь, опять взялся за скрипку.

Он играл свою импровизацию.

Тубу не хотел так поздно уходить далеко со двора, и он присел у окна.

Заслышав скрипку, он протяжно и тихо завыл.

Станислав Францевич точно не слышал этого. Он играл свои печальные импровизации, то переходя с места на место, то останавливаясь неподвижно у кровати. А собака всё выла, выла протяжно и жалостно...

/Б. Опис/